

Александр Грин. Сердце пустыни

1

Открытие алмазных россыпей в Кордон-Брюн сопровождалось тягой к цивилизации. Нам единственно интересно открытие блистательного кафе. Среди прочей публики мы отметим здесь три скептических ума, - три художественные натуры, - три погибшие души, несомненно талантливые, но переставшие видеть зерно. Разными путями пришли они к тому, что видели одну шелуху.

Это мировоззрение направило их способности к мистификации, как призванию. Мистификация сделалась их религией. И они достигли в своем роде совершенства. Так, например, легенда о бриллианте в тысячу восемьсот каратов, ехидно и тонко обработанная ими меж бокалов шампанского и арией "Жоселена", произвела могучее действие, бросив тысячи проходимцев на поиски чуда к водопаду Альпетри, где, будто над водой, в скале, сверкало чудовище. И так далее. Стелла Дижон благодаря им получила уверенность, что безнадежно влюбленный в нее (чего не было) Гарри Эванс с отчаяния женился на девице О'Нэль. Произошла драма, позорный исход которой не сделал никому чести: Эванс стал думать о Стелле и застрелился.

Гарт, Вебер и Консейль забавлялись. Видения, возникающие в рисунке из дыма крепких сигар, определили их лукаво-беззаботную жизнь. Однажды утром сидели они в кафе в удобных качалках, молча и улыбаясь, подобно авгурам; бледные, несмотря на зной, приветливые, задумчивые; без сердца и будущего.

Их яхта еще стояла в Кордон-Руж, и они медлили уезжать, смакуя впечатления бриллиантового азарта среди грязи и хищного блеска глаз.

Утренняя жара уже никла в тени бананов; открытые двери кафе "Конго" выказывали за проулком дымные кучи земли с взлетающей над ней киркой; среди насыпей белели пробковые шлемы и рдели соломенные шляпы; буйволы тащили фургон.

Кафе было одной из немногих деревянных построек Кордон-Брюна. Здесь - зеркала, пианино, красного дерева буфет.

Гарт, Вебер и Консейль пили. Вошел Эммануил Стель.

2

Вошедший резко отличался от трех африканских снобов красотой, силой сложения и детской верой, что никто не захочет причинить ему ничего дурного, сиявшей в его серьезных глазах. У него большие и тяжелые руки, фигура воина, лицо простофили. Он был одет в дешевый бумажный костюм и прекрасные сапоги. Под блузой выпиралась рукоять револьвера. Его шляпа, к широким полям которой на затылок был пришит белый платок, выглядела палаткой, вместившей гиганта. Он мало говорит и прелестно кивал, словно склонял голову вместе со всем миром, внимающим его интересу. Короче говоря, когда он входил, хотелось посторониться.

Консейль, мягко качнув головой, посмотрел на сухое уклончиво улыбающееся лицо Гарта; Гарт взглянул на мраморное чело и голубые глаза Консейля; затем оба перемигнулись с Вебером, свирепым, желчным и черным; и Вебер, в свою очередь, метнул им из-под очков тончайшую стрелу, после чего все стали переговариваться.

Несколько дней назад Стель сидел, пил и говорил с ними, и они знали его. Это был разговор внутреннего, сухого хохота, во весь рост, - с немного наивной верой во все, что поражает и приковывает внимание; но Стель даже не подозревал, что его вышутили.

- Это он, - сказал Консейль.
- Человек из тумана, - ввернул Гарт.
- В тумане, - поправил Вебер.
- В поисках таинственного угла.
- Или четвертого измерения.
- Нет; это искатель редкостей, - заявил Гарт.
- Что говорил он тогда о лесе? - спросил Вебер.

Консейль, пародируя Стиля, скороговоркой произнес:

- Этот огромный лес, что тянется в глубь материка на тысячи миль, должен таить копи царя Соломона, сказку Шехерезады и тысячу тысяч вещей, ждущих открытия.

- Положим, - сказал Гарт, поливая коньяком муху, уже опьяневшую в лужице пролитого на стол вина, - положим, что он сказал не так. Его мысль неопределенно прозвучала тогда. Но ее

суть такова: "в лесном океане этом должен быть центр наибольшего и наипоразительнейшего неизвестного впечатления, некий Гималай впечатлений, рассыпанных непрерывно". И если бы он знал, как разыскать этот зенит, - он бы пошел туда.

- Вот странное настроение в Кордон-Брюне, - заметил Консейль, - и богатый материал для игры. Попробуем этого человека.

- Каким образом?

- Я обдумал вещичку, как это мы не раз делали; думаю, что изложу ее довольно устойчиво. От вас требуется лишь говорить "да" на всякий всякий вопросительный взгляд со стороны материала.

- Хорошо, - сказали Вебер и Гарт.

- Ба! - немедленно воскликнул Консейль. - Стиль! Садитесь к нам.

Стиль, разговаривавший с буфетчиком, обернулся и подошел к компании. Ему подали стул.

3

Вначале разговор носил обычный характер, затем перешел на более интересные вещи.

- Ленивец, - сказал Консейль, - вы, Стиль! Огребли в одной яме несколько тысяч фунтов и успокоились. Продали вы ваши алмазы?

- Давно уже, - спокойно ответил Стиль, - но нет желания предпринимать что-нибудь еще в этом роде. Как новинка прииск мне нравился.

- А теперь?

- Я - новичок в этой стране. Она страшна и прекрасна. Я жду, когда ик чему меня потянет внутри.

- Особый склад вашей природы я заметил по прошлому нашему разговору, - сказал Консейль. - Кстати, на другой день после того мне пришлось говорить с охотником Пелегрином. Он взял много слоновой кости по ту сторону реки, миль за пятьсот отсюда, среди лесов, так пленяющих ваше сердце. Он рассказал мне о любопытном явлении. Среди лесов высится небольшое плато с прелестным человеческим гнездом, встречаемым неожиданно, так как тропическая чаща в роскошной полутьме своей неожиданно пересекается высокими бревенчатыми стенами, образующими заднюю сторону зданий, наружные фасады которых выходят в густой внутренний сад, полный цветов. Он пробыл там один день, встретив маленькую колонию уже под вечер. Ему послышался звон гитары. Потрясенный, так как только лес, только один лес мог расстлаться здесь, и во все стороны не было даже негритянской деревни ближе четырнадцати дней пути, Пелегрин двинулся на звук, и ему оказали теплое гостеприимство. Там жили семь семейств, тесно связанные одинаковыми вкусами и любовью к цветущей заброшенности - большей заброшенности среди почти недоступных недр конечно трудно представить. Интересный контраст с вполне культурным устройством и обстановкой домов представляло занятие этих Робинзонов пустыни - охота; единственно охотой промышляли они, сплавив добычу на лодках в Танкос, где есть промышленные агенты, и обменивая ее на все нужное, вплоть до электрических лампочек.

Как попали они туда, как подобрались, как обустроились? Об этом не узнал Пелегрин. Один день, - он не более, как вспышка магния среди развалин, - поймано и ушло, быть может, самое существенное. Но труд был велик. Красивые резные балконы, выющая заросль цветов среди окон с синими и лиловыми маркизами; шкура льва; рояль, рядом ружье; смуглые и беспечные дети с бесстрашными глазами героев сказок; тоненькие и красивые девушки с револьвером в кармане и книгой у изголовья и охотники со взглядом орла, - что вам еще?! Казалось, эти люди сошлись петь. И Пелегрин особенно ярко запомнил первое впечатление, подобное глухому рисунку: узкий проход меж бревенчатых стен, слева - маленькая рука, махающая с балкона, впереди - солнце и рай.

Вам случалось, конечно, провести ночь в незнакомой семье. Жизнь, окружающая вас, проходит отрывком, полным очарования, вырванной из неизвестной книги страницей. Мелькнет не появляющееся в вечерней сцене лицо девушки или старухи; особый, о своем, разговор коснется вашего слуха, и вы не поймете его; свои чувства придадите вы явлениям и вещам, о которых знаете лишь, что они приютили вас; вы не вошли в эту жизнь, и потому овеея она странной поэзией. Так было и с Пелегрином.

Стиль внимательно слушал, смотря прямо в глаза Консейля.

- Я вижу все это, - просто сказал он, - это огромно. Не правда ли?

- Да, - сказал Вебер, - да.

- Да, - подтвердил Гарт.
- Нет слов выразить, что чувствуешь, - задумчиво и взволнованно продолжал Стил, - но как я был прав! Где живет Пелегрин?
- О, он выехал с караваном в Ого.
Стил провел пальцем по столу прямую черту, сначала тихо, а затем быстро, как бы смахнул что-то.
- Как называлось то место? - спросил он. - Как его нашел Пелегрин?
- Сердце Пустыни, - сказал Консейль. - Он встретил его по прямой линии между Кордон-Брюн и озером Бан. Я не ошибся, Гарт?
- О, нет.
- Еще подробность, - сказал Вебер, покусывая губы, - Пелегрин упомянул о трамплине, - одностороннем лесистом скате на север, пересекавшем диагональю его путь. Охотник, разыскивая своих, считавших его погибшим, в то время как он был лишь оглушен падением дерева, шел все время на юг.
- Скат переходит в плато? - Стил повернулся всем корпусом к тому, кого спрашивал.
Тогда Вебер сделал несколько топографических указаний, столь точных, что Консейль предостерегающе посматривал на него, насвистывая: "Куда торопишься, красотка, еще ведь солнце не взшло..." Однако ничего не случилось.
Стил выслушал все и несколько раз кивнул своим теплым кивком. Затем он поднялся неожиданно быстро, его взгляд, когда он прощался, напоминал взгляд проснувшегося. Он не замечал, как внимательно схватываются все движения его шестью острыми глазами холодных людей. Впрочем, трудно было решить по его наружности, что он думает, - то был человек сложных движений.
- Откуда, - спросил Консейль Вебера, - откуда у вас эта уверенность в неизвестном, это знание местности?
- Отчет экспедиции Пена. И моя память.
- Так. Ну, что же теперь?
- Это уж его дело, - сказал смеясь Вебер, - но поскольку я знаю людей... Впрочем, в конце недели мы отплываем.
Свет двери пересекла тень. В двери стоял Стил.
- Я вернулся, но не войду, - быстро сказал он. - Я прочел порт на корме яхты. Консейль - Мельбурн, а еще...
- Флаг-стрит, 2, - так же ответил Консейль - И...
- Все, благодарю.
Стил исчез.
- Это, пожалуй, выйдет, - хладнокровно заметил Гарт, когда молчание сказало что-то каждому из них по-особому. - И он найдет вас.
- Что?
- Такие не прощают.
- Ба, - кивнул Консейль. - Жизнь коротка. А свет - велик.

4

Прошло два года, в течение которых Консейль побывал еще во многих местах, наблюдая разнообразие жизни с вечной попыткой насмешливого вмешательства в ее головокружительный лет; но наконец и это утомило его. Тогда он вернулся в свой дом, к едкому наслаждению одиночеством без эстетических судорог дез-Эссента, но с горем холодной пустоты, которого не мог сознать.

Тем временем воскресали и разбивались сердца; гремел мир; и в гrome этом выделился звук ровных шагов. Они смолкли у подъезда Консейля; тогда он получил карточку, напоминавшую Кордон-Брюн.

- Я принимаю, - сказал после короткого молчания Консейль, чувствуя среди изысканной неприятности своего положения живительное и острое любопытство. - Пусть войдет Стил.

Эта встреча произошла на расстоянии десяти сажен огромной залы, серебряный свет которой остановил, казалось, всей прозрачной массой своей показавшегося на пороге Стиля. Так он стоял несколько времени, присматриваясь к замкнутому лицу хозяина. В это мгновение оба почувствовали, что свидание неизбежно; затем быстро сошлись.

- Кордон-Брюн, - любезно сказал Консейль. - Вы исчезли, и я уехал, не подарив вам гравюры Морада, что собирался сделать. Она в вашем вкусе, - я хочу сказать, что фантастический пейзаж Сатурна, изображенный на ней, навеивает тайны вселенной.

- Да, - Стиль улыбался. - Как видите, я помнил ваш адрес. Я записал его. Я пришел сказать, что был в Сердце Пустыни и получил то же, что Пелегрин, даже больше, так как я живу там.

- Я виноват, - сухо сказал Консейль, - но мои слова - мое дело, и я отвечаю за них. Я к вашим услугам, Стиль.

Смеясь, Стиль взял его бесстрастную руку, поднял ее и хлопнул по ней.

- Да нет же, - вскричал он, - не то. Вы не поняли. Я сделал Сердце Пустыни. Я! Я не нашел его, так как его там, конечно, не было, и понял, что вы шутили. Но шутка была красива. О чем-то таком, бывало, мечтал и я. Да, я всегда любил открытия, трогающие сердце подобно хорошей песне. Меня называли чудаком - все равно. Признаюсь, я смертельно позавидовал Пелегрину, а потому отправился один, чтобы быть в сходном с ним положении. Да, месяц пути показал мне, что этот лес. Голод... и жажда... один; десять дней лихорадки. Палатки у меня не было. Огонь костра казался мне цветным, как радуга. Из леса выходили белые лошади. Пришел умерший брат и сидел, смотря на меня; он все шептал, звал куда-то. Я глотал хину и пил. Все это задержало, конечно. Змея укусила руку; как взорвало меня - смерть. Я взял себя в руки, прислушиваясь, что скажет тело. Тогда, как собаку, потянуло меня к какой-то траве, и я ел ее; так я спасся, но изошел потом и спал. Везло, так сказать. Все было, как во сне: звери, усталость, голод и тишина; и я убивал зверей. Но не было ничего на том месте, о котором говорилось тогда; я исследовал все плато, спускающееся к маленькому притоку в том месте, где трамплин расширяется. Конечно, все стало ясно мне. Но там подлинная красота, - есть вещи, о которые слова бьются, как град о стекло, - только звенит...

- Дальше, - тихо сказал Консейль.

- Нужно было, что бы он был там, - кротко продолжал Стиль. - Поэтому я спустился на плоте к форту и заказал со станционером нужное количество людей, а также все материалы, и сделал, как было в вашем рассказе и как мне понравилось. Семь домов. На это ушел год. Затем я пересмотрел тысячи людей, тысячи сердец, разъезжая и разыскивая по многим местам. Конечно, я не мог не найти, раз есть такой я, - это понятно. Так вот, поедemте взглянуть, видимо, у вас дар художественного воображения, и мне хотелось бы знать, так ли вы представляли.

Он выложил все это с ужасающей простотой мальчика, рассказывающего из всемирной истории.

Лицо Консейля порозовело. Давно забытая музыка прозвучала в его душе, и он вышагал неожиданное волнение по диагонали зала, потом остановился, как вкопанный.

- Вы - турбина, - сдавленно сказал он, - вы знаете, что вы - турбина. Это не оскорбление.

- Когда ясно видишь что-нибудь... - начал Стиль.

- Я долго спал, - перебил его сурово Консейль. - Значит... Но как похоже это на грезу! Быть может, надо еще жить, а?

- Советую, - сказал Стиль.

- Но его не было. Не было.

- Был. - Стиль поднял голову без цели произвести впечатление, но от этого жеста оно кинулось и загремело во всех углах. - Он был. Потому, что я его нес в сердце своем.

Из этой встречи и из беседы этой вытекло заключение, сильно напоминающее сухой бред изысканного ума в Кордон-Брюн. Два человека, с глазами, полными оставленного сзади громадного глухого пространства, уперлись в бревенчатую стену, скрытую чашей. Вечерний луч встретил их, и с балкона над природной оранжереей сада прозвучал тихо напевающий голос женщины.

Стиль улыбнулся, и Консейль понял его улыбку.